А.В. Мельченко

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УКРАШЕНИЙ ГИЛАНА XII–VIII ВВ. ДО Н.Э.

Статья посвящена художественным и техническим особенностям ювелирного искусства древнеиранской провинции Гилан, находящейся на северо-западе страны — важному центру металлообработки I тыс. до н.э. Впервые анализируются украшения разных археологических пунктов региона и выявляется их локальная специфика.

The article is devoted to the artistic and technical features of the jewellery art of the ancient Iranian province Guilan — an important metalworking center of the 1st millennium BC. For the first time, the jewellery of the region's various archaeological points is analyzed and its local specificity is determined.

Ключевые слова: Гилан, Древний Иран, Марлик, Хасанлу, Амлаш, Хурвин, ювелирное искусство, художественный металл.

Keywords: Guilan, Ancient Iran, Marlik, Hasanlu, Amlash, Hurvin, jewellery art, artistic metal.

В конце II тысячелетия до н.э. на Древнем Востоке существовало много развитых центров производства ювелирной продукции. Среди основных можно перечислить Месопотамию (Вавилон, Ассирия), Египет, Элам (Сузы), Малую Азию, Северную Сирию, Урарту. В иранской области Гилан определенно находился один из таких центров, о чем свидетельствуют многочисленные находки женских и мужских украшений, выполненные из металла. Исключительно богатая коллекция ювелирных предметов была найдена в могильнике

Марлик, а также в некоторых других некрополях провинции, таких как Калардашт, Хурвин, Хасанлу, Амлаш и Дайламан. Кажется возможным предполагать, что Марлик I тысячелетия до н.э. являлся одним из лидирующих центров ювелирного производства Передней Азии с наличием значительного процента золотых изделий.

Одна из главных проблем изучения гиланских украшений заключается в ограниченном количестве предметов, обнаруженных в стратиграфических слоях на раскопках [1]. Наиболее точные данные получены в результате археологических работ в Хасанлу [Ibid]. Марлик также был открыт археологами и хорошо изучен, однако местные находки датируются в достаточно широком хронологическом диапазоне ввиду многослойности некрополя, использовавшегося на протяжении около трех столетий. Стилистический анализ помог выделить две группы украшений: первая, наиболее древняя часть изделий, датируемая приблизительно 1350–1150 гг. до н.э., испытала ассирийское влияние; вторая группа находок, относящаяся к периоду после 1000 г. до н.э. до 800 г. до н.э., отмечена чертами урартского искусства Восточной Анатолии и Закавказья [1, p. 190, 194], и частично позднеассирийского искусства [1, с. 196].

Состав предметов самый разнообразный: пронизи, гривны, подвески, серьги, пуговицы, булавки. В Марлике в меньшем количестве обнаружены браслеты, серьги с кольцами и пластинами, заколки и булавки [2], тогда как в Амлаше, в гробницах Томаджана (наиболее богатой зоны раскопок этого района) и Эмама, напротив, основными находками были браслеты (ручные и ножные) и разнообразные по форме гривны и бусы [3]. Украшения Марлика, в основном, выполнены из золота. Драгоценный металл нередко сочетали с камнем (агат, лазурит и сердолик). Серебряных и бронзовых изделий здесь было найдено сравнительно немного [2].

Украшения и элементы костюма из драгоценных металлов, как и предметы вооружения, относятся к вещественным признакам высокого общественного статуса погребенных [4]. Разная концентрация золотых и серебряных предметов в захоронениях указывает на дифференциацию и отсутствие

признаков эгалитарности общества, оставившего некрополь Марлик. Количество, особенности набора украшений, в которых хоронили покойных, проливают свет на некоторые характеристики их обладателей [4]. Большая часть ювелирных изделий Марлика принадлежит женским захоронениям, в мужских погребениях часто встречаются предметы по типу пуговиц, которые когда-то видимо были нашиты на костюм [5] [2, p. 14]. Симптоматично, что в ряде мужских могил с количественным преобладанием воинского и охотничьего инвентаря, также обнаружены украшения [2]. Такие данные могут свидетельствовать, что эти люди являлись лидерами с жреческими функциями, носителями как мужского, так и женского начала [4, с. 94]. Материалы этнографии и религиоведения также подтверждают феномен жреческого трансвестизма у древних народов Востока [Там же].

Многообразную группу гиланских ювелирных изделий составляют золотые низки бус, набранные из отдельных фигуративных подвесок и шаровидных, пирамидальных, цилиндрических, овальных и ромбовидных пронизей. Золотые пронизи в виде двух узких цилиндров, скрепленных между собой тончайшей проволокой, сравнимы с похожими урартскими бусинами из Алтын-тепе (однако здесь изделия состоят из четырех цилиндров, декорированных зернью) [1, с. 194]. Ожерелья могли дополняться кулонами, бусинами из агата, сердолика, стекла и кости. По такому принципу набраны украшения из Марлика и Хасанлу [6]. В последнем месте примечательно яркое по цветовой гамме колье, составленное из обработанных агатов чередующихся с овальными золотыми бусинами в форме дыни [3, p. 15].

Среди изделий Марлика наиболее популярный вид *подвески* — это медальон с изображением солнца (или звезды), лучи которого образованы либо зигзагообразными линиями, либо точечным узором, окружающим центральный выпуклый элемент (рис. 1). До наших дней сохранился единственный медальон с узором по типу «звезды», дополненный в центре большим кабошоном лазурита. В коллекцию украшений из раскопок Амлаша также входят подобные подвески в виде небольших медальонов с солярными знаками

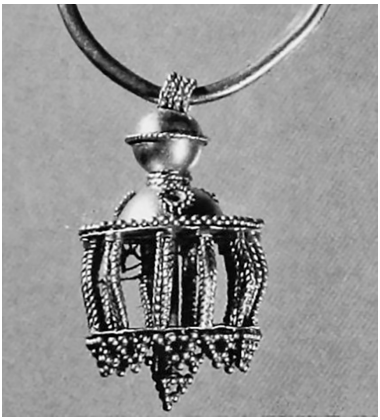

Рисунок 1. Бусы из пронизей в форме плода граната и подвеской-медальоном. Золото. Марлик
Рисунок 2. Кулон в форме «перевернутой короны». Золото. Марлик

(иногда с использованием инкрустации цветных камней в центре изделия), восьмилучевыми звездами (видимо, как посвящение богине Иштар), близкие по стилю вавилонским образцам этого периода, но, несомненно, являющихся произведениями местных мастеров [7].

Плод граната — один из популярных мотивов, представленных на ювелирных изделиях Гилана. Данный растительный мотив возникает здесь неслучайно: дикие гранатовые кусты до сих пор покрывают склоны Северного Эльбурса. Изящно проработанные бусины или подвески в форме граната являются главным декоративным элементом нагрудных украшений Марлика [2, p. 144] (рис. 1). Они могут выглядеть как вполне натуралистично, так и иметь более условные геометризированные очертания. Данные ювелирные формы можно считать типичными для этого региона [7, p. 37].

Оригинальна конструкция золотого кулона в виде перевернутой короны (рис. 2). Изделие демонстрирует очень высокий уровень ювелирной работы. Кулон состоит из двух колец, соединенных между собой двенадцатью выгнутыми по округлому сечению узкими пластинками, покрытых мелкой зернью. Внутри «короны» размещается толстый стержень. Верхнее кольцо венчает полусфера, над которой надставлен большой шарик с петлей. Нижнее кольцо обрамляют треугольные зубцы, образованные спаянными шариками.

Из могильника Марлик происходят золотые низки бус с

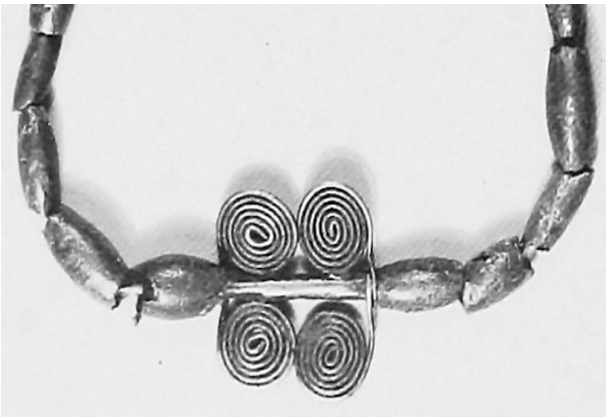

Рисунок 3. Фрагмент ожерелья со спиралевидной пронизью в форме «раскрытых крыльев бабочки». Золото. Марлик
Рисунок 4. Подвеска с растительным узором. Золото. Марлик

плоскими полированными медальонами, аналогичные по форме бронзовым находкам Хурвина и Амлаша [2, p. 142]. Форма таких изделий связана с солярной символикой [3, p. 58]. Шарообразные и продолговатые бусины с продольными желобками составляют основу многочисленных украшений — подобные формы были широко распространены в ювелирном искусстве Передней Азии уже со II тыс. до н.э.

К излюбленным декоративным формам, к которым прибегали мастера Марлика, можно отнести цилиндр, скрученный из металлической проволоки, и четырехчастную спираль, напоминающую раскрытые крылья бабочки (рис. 3). Эволюция последнего типа пронизи представляет особый интерес, так как считается, что изначально спиралеобразный орнамент в ювелирных изделиях появляется в конце III тыс. до н.э. [7, p. 36], по всей вероятности, в культуре Тепе Гиссар II на территории Северо-Восточного Ирана и далее через торговые контакты распространяется в другие культуры от Северо-Западного Ирана (Гилан, включая прикаспийский Талеш, Луристан), Северного Междуречья (Ассирия) до Малой Азии (Троя III) и Микен и остается в употреблении вплоть до VII–VI вв. до н.э. (клад Зивийе) [7, p. 41]. Вариант развитого спирального четырехчастного

декора, характерного для изделий Марлика, Хасанлу и Амлаша, судя по всему, является местной традицией ювелирного искусства [7, p. 43].

На одном из золотых медальонов (диаметром 5,8 см) из Марлика представлена необычная композиция из растительных мотивов: по центру располагаются три крупных стебля, по сторонам от которых расходятся ветви, увенчанные круглыми и овальными лепестками (рис. 4). Сложный орнамент образован тонкими напаянными золотыми нитями. Данный декоративный прием встречается еще на нескольких ювелирных памятниках Марлика, и, судя по всему, их исполнение принадлежит руке одного и того же мастера. Другой золотой медальон демонстрирует вариацию этого узора: пространство диска равномерно разделено на четыре сектора тремя рядами гранул, где каждый участок делит пополам одинарная извилистая линия и пара кругов.

Рисунок 5. Кулон в виде двух орлиных голов. Золото. Марлик

Среди золотых фигуративных подвесок Марлика особого внимания заслуживает кулон в виде двух орлиных голов, симметрично смотрящих в разные стороны (рис. 5), и несколько подвесок, изображающих протомы животных — львов и козлов. Последние сделаны в технике чеканки из тонкого листового золота: они полые и изнутри заполнены смолой. Несмотря на их малый размер (около 2 см), изделия хорошо проработаны. Образы животных выполнены в одном стиле: округлые голова и морда, широко распахнутые глаза, образованные точечной чеканкой.

Подвески Хурвина в основном отливались из бронзы в анималистических формах или же в виде «сапожков». Есть экземпляры, сочетающие в себе обе формы. Многочисленность и достаточно низкое качество изготовления находок свидетельствуют о том, что такие подвески, скорее всего, являлись массовой продукцией.

Также в Хурвине были обнаружены редкие кулоны в виде двойной секиры или лабриса — форма предметов ритуально-символического значения, заимствованная у малоазийских культур (Лидия, Фригия, Крит) I тыс. до н.э. [6, p. 22].

В Марлике были найдены металлические *браслеты* диаметром около 7–7,5 см. В основном изделия представлены двумя типами: трубчатые открытые, которые можно было согнуть под размер запястья, и браслеты из двух одинаковых дуг, скрепленных кольцами. Иногда концы браслетов украшались образами животных. Изделиям Марлика стилистически и технически близки браслеты из могильников Талеш и Дайламан [2, p. 167]. Следует отметить, что подавляющая часть бронзовых браслетов из некрополей Томаджана и Эмама (Амлаш) оформлена на концах змеиными головками [3].

Как и некоторые подвески, браслеты создавались из тонкого листового золота и внутри заполнялись смолой. Практиковалось сочетание сразу нескольких видов металлов: тело браслета могло быть серебряным или бронзовым, тогда как навершие — золотым. В фигуративных зооморфных навершиях в основном использовались образы таких животных, как лев, козел, конь.

Еще один вид наручных украшений Марлика — это золотые изделия в виде широких полос длиной около 13 см. Поверхность браслета украшена штампом из двух рядов концентрических кругов с выделенным центром — узор, характерный для многих ювелирных предметов Марлика.

Многочисленные бронзовые браслеты менее декоративны и повторяют формы простых открытых и лентообразных золотых изделий. Нередко встречается форма кольца, не слишком распространенная в золоте. Массивные бронзовые браслеты крайне тяжелы и были неудобны в ношении, поэтому, скорее всего, изнутри они дублировались полоской из кожи, чтобы минимизировать дискомфорт. На некоторых экземплярах есть небольшие отверстия, с помощью которых, вероятно, фиксировалась мягкая подкладка. Один из таких бронзовых браслетов дополнен необычным спиралеобразным декором, функционально выполняющим роль застежки: зубцы одного края украшения вставлялись в отверстия сдвоенной спирали другого

края предмета. Застежка бронзового пояса, найденная в Хурвине, идентична этому образцу. Другой пример — широкий лентообразный браслет, оканчивающийся внахлест застежкой по типу «пуговицы».

Рисунок 6. Серьга-лунница с двойными шариками. Золото. Марлик

Серьги составляют следующую обширную группу ювелирных украшений, происходящую из некрополей Гилана. Большинство изделий Марлика изготовлено из золота, некоторые образцы демонстрируют высококачественную работу древних мастеров и знание сложнейших ювелирных техник [2, p. 170], [1, p. 190]. Формы серег варьируются от простых геометрических до замысловатых многосоставных моделей, оформленных зернью, напаянной проволокой и инкрустацией камнями. Отметим, что не все предметы можно с уверенностью рассматривать как серьги в прямом значении, так как некоторые экземпляры довольно тяжелы, поэтому их, скорее, следует отнести к типу височных подвесок.

Серьги Хурвина, Хасанлу и Марлика часто изготавливались из сплава разного металла. Формы изделий в основном имитируют традиционную для Гилана виноградную или гранатовую гроздь [3, p. 16]. В то же время появляются и другие популярные формы — полусфера с напаянными шариками и петлей, украшения в виде «колес» с четырьями спицами, подкова с декором из волнистых линий, серьги-лодочки (лунницы) на петле. Последняя категория серег особенно многообразна: простые в исполнении украшения чередуются с более сложными моделями, дополненными золотыми шариками или гвоздиками (рис. 6). Серьги-лодочки известны еще с эпохи III династии Ура и встречаются во многих древних культурах от Луристана и Хурвина (Северо-Западный Иран) до Малой Азии (Троя), Сирии и Крита [1, p. 171]. Тип серег-лунниц был распространен на территории иранского плато в конце II тыс. до н.э. [6, p. 22].

В Марлике также встречаются золотые серьги-кольца, декорированные одним или несколькими шариками, либо кольца из толстой крученой проволоки.

Золотые серьги в виде двойных пирамидок из Марлика представляют собой самостоятельный вариант. Каркас пирамидок образован крупными спаянными шариками в верхней части изделия и мелкой зернью — в нижней.

В этом могильнике также были обнаружены три золотые серьги с изображением горной козы, выполненные в той же технике, что и подвески, плоские украшения в виде полумесяца, идентичные более поздним образцам из могильника Чалекути раннего железного века. Из Марлика происходят одна пара серебряных (кольца из крученой по диагонали проволоки) и две пары бронзовых серег (все в виде колец диаметром в среднем 3,5 см), повторяющих золотые аналоги.

В Амлаше количественно серьги занимают незначительное место. В ходе раскопок удалось получить только единичные бронзовые изделия, которые демонстрируют популярный здесь изобразительный мотив закрученной в кольцо спирали. Отметим, что некоторые серьги из Амлаша весят до полукилограмма, поэтому они, скорее, являлись «височными» украшениями, которые крепились в волосах или на головном уборе [3, p. 14].

Серьги Хурвина преимущественно изготавливались из смолы и покрывались золотой фольгой. Сверху наносился простой точечный или спиральный узор. Местные мастера привнесли новую черту в декор серег-лунниц, разместив на одной из сторон шарика фронтальное изображение лица. Данный мотив укоренился в ювелирном искусстве Древнего Ирана и использовался для украшения золотых пряжек в Ахеменидскую эпоху [6, p. 22].

Для изготовления *колец* использовали золото и бронзу (нам не известны кольца из серебра в Марлике). Золотые изделия делятся на два типа: широкие полосы с простым или более сложным дизайном, а также «кольца-змейки» из узкой полоски металла, обвивающей палец. Бронзовые кольца повторяют форму золотых экземпляров, но практически лишены какого-либо декора. Для Амлаша как раз характерен второй тип бронзовых спиралевидных «колец-змеек» [3, p. 51].

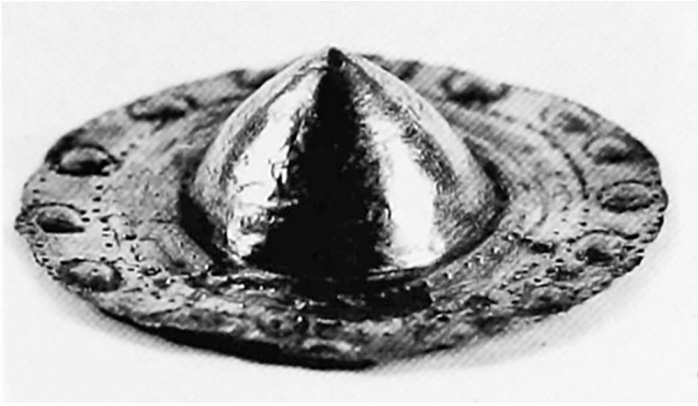

Рисунок 7.
Пуговица (?).
Диаметр 7,5 см.
Золото. Марлик

Среди украшений Марлика также были распространены золотые *диадемы* в виде длинной узкой полосы металла, иногда дополненные чеканной декорацией. Эти золотые вещи довольно хрупки и до нас дошли в крайне деформированном состоянии. Поверхность диадем украшена линейным раппортным круговым узором из точек с выделенным центром в виде солнца/звезды (как на подвесках), либо полусферическими шишечками вдоль полосы металла. Есть небольшие вариации декора (например, шишечки могут быть разделены вертикальными полосами), но в целом он остается неизменным. Большинство диадем имеют скругленные концы с отверстиями, сквозь которые, вероятно, продевались завязки для фиксации диадемы на голове. Подобные головные уборы бытовали во многих древних культурах: на раскопках в Энгоми (Северный Кипр) и Чалекути (Дайламан, Северо-Западный Иран) были найдены диадемы, украшенные мотивом геометрических розетт (датируются концом бронзового началом железного века); рельефы ассирийских дворцов и храмов в Нимруде (например, храм бога Набу 824–812 гг. до н.э.) и Ниневии (746–643 гг. до н.э.) также демонстрируют изображения таких налобных украшений [2, p. 176–177].

В Марлике было обнаружено большое количество декоративных золотых изделий по типу *пуговиц*, которые, по всей видимости, являлись важной составляющей церемониальных одежд. Помимо золота, «пуговицы» [8] изготовлялись из бронзы, кости и раковин, но

таких экземпляров было найдено сравнительно немного. Практически все металлические изделия имеют одинаковую круглую форму с коническим полированным выступом (иногда этот конус замещался камнем), однако все они варьируются по величине (рис. 7). Некоторые «пуговицы» удивляют размерами — их диаметр достигает 16,5 см (поэтому пуговицами их можно назвать условно), другие образцы имеют более привычный размер — 1,5 см в диаметре. Часть таких предметов дополнялась декором из точечного орнамента и зигзага, расходящихся концентрическими кругами и опоясывающих конический элемент. Крупные «пуговицы» украшены комбинациями из геометрических фигур: обычно, чем больше вещь, тем сложнее композиция. У большинства изделий есть парные сквозные отверстия, посредством которых они крепились к одежде.

Одно из захоронений демонстрирует, каким образом предметы нашивались на материал: поверх человеческого скелета, по оси, находилось шестьдесят девять золотых «пуговиц» вместе с незначительными остатками текстиля — одежда вполне могла быть запашной, «пуговицы» очевидно соединяли полотна ткани или кожи, либо выполняли исключительно декоративную функцию. «Пуговицы» служили знаком отличия и обозначали статус персоны, были важной деталью погребального церемониала.

Назначение нескольких золотых находок, имеющих стандартную круглую форму (диаметром в среднем 5 см) и дизайн, характерный для пуговиц, неясно, так как на этих изделиях отсутствуют какие-либо петли или отверстия, чтобы крепить их к материалу. По одной из версий, эти изделия служили посвятительными дисками, наподобие луристанских (правда, последние достигают размеров 13–16 см в диаметре). Зигзагообразные линии, украшающие одну из таких «пуговиц», аналогичны декору бронзовой дисковидной шпильки из Луристана: такой дизайн принято связывать с солнцем [2, p. 181].

Еще одна группа неопределенных по назначению вещей — это литые золотые изделия с круглым основанием и развитым стержнем, по форме напоминающие современные кнопки. Возможная функция этих предметов — игральные фишки [2, p. 181].

Из комплекса Марлик происходят золотые *декоративные листья*

овальной формы, длиной 10–11 см, которые, видимо, использовались в качестве украшения для волос или костюма. Как и «пуговицы», эти изысканные детали могли обозначать принадлежность к высокому рангу.

Нам известен единственный образец золотой *пряжки* из Марлика, инкрустированной тремя лазуритами и другими цветными камнями, который не имеет аналогов в других древних культурах. Пряжка состоит из трех золотых дисков, скрепленных между собой, и одного отдельного с крючком, чтобы соединять пластины вместе. Каждая пластина пряжки украшена узором «розетта»: в центре композиции располагается кабошон лазурита, имитирующий сердцевину цветка, чьи «лепестки» образованы инкрустированными цветными камнями коричневатого и белого цветов.

Застежки для одежды, известные как фибулы, — важный археологический материал; так как этот предмет хорошо исследован, собранные данные помогают более точно датировать сопутствующий комплекс вещей. Для Амлаша характерны геометрические фибулы в форме ромба [3, p. 56]. В Марлике в одном из наиболее богатых захоронений была найдена бронзовая фибула в виде согнутой в локте руки, близкая по форме застежкам из Луристана, Талыша и Кавказа (могильники Кобан и Самтавро). Находка позволяет считать, что такие фибулы распространились на территории Северо-Западного Ирана и Кавказа приблизительно с конца II тыс. до н.э. [2, p. 183].

Золотые и бронзовые *шпильки* можно подразделить на две группы: простые, из литого металла с простым геометрическим декором, и предметы с навершиями в форме животных: орла, льва, горного козла, горбатого быка. Последние предметы выполнены в той же технике, что и подвески (тонкое листовое золото изнутри заполненное смолой или гипсом), либо из бронзы. Внушительное количество шпилек с зооморфными навершиями происходит из некрополей Амлаша и Хурвина. Наряду с образами отдельных животных (длиннорогого козла, газели, коня, оленя), в Амлаше встречаются и сюжетные анималистические композиции [3, p. 15]. В Хурвине была обнаружена шпилька, созданная из двух металлов: стержень предмета бронзовый, тогда как навершие — золотое. Учитывая, что основание шпильки

при ношении «спрятано» в прическе, то навершие, являясь видимой декоративной деталью, вероятно, сознательно была выполнено из драгоценного металла [6, p. 22].

Большая часть бронзовых находок Марлика представляет собой удлиненный стержень со сквозными отвестиями и полусферическим завершием. Длина стержня шпильки колеблется от 5 до 40 см (в основном, 10–18 см), величина анималистических фигурок пропорционально стержню небольшая — в среднем 2–3 см. Такая продукция была популярна на территории Северо-Западного Ирана в конце II начале I тыс. до н.э. П.Мури провел исследования этих ювелирных предметов и пришел к выводу, что центр производства простых бронзовых шпилек с небольшим каплевидным завершием находился в Луристане, тогда как подобные изделия, но с чуть более развитым дизайном (верхнюю часть стержня покрывают горизонтальные параллельные линии, завершие в виде шляпки или плоской капли) — продукция древних мастерских прикаспийского региона Гилана.

В конце II — начале I тыс. до н.э. на обширной территории от Средиземного моря до долины Инда наблюдается скачок в производстве ювелирной продукции преимущественно из металла с использованием технологических достижений того времени. Такая ситуация вполне объяснима, так как рубеж тысячелетий — это время активных миграций и, как следствие, обмен накопленными знаниями и опытом. В виду подобных процессов, мы наблюдаем распространение одинаковых форм украшений, предметов гарнитура, оружия, ритуальных вещей и приемов их технического исполнения. При этом в древних культурах разных регионов наблюдаются и индивидуальные стилистические черты, а также заимствования растительных и зооморфных образов из локального природного ареала. Так в Гилане одной из самых популярных форм подвесок/серег является плод граната, до сих пор растущий на склонах Эльбурса, а среди зооморфных образов, украшающих, например, навершия шпилек, — образы горбатого быка, горного козла или льва — аборигенные животные, которые издревле обитали на этой территории.

Подводя итог, необходимо отметить, что среди разных гиланских

некрополей, где были обнаружены ювелирные предметы, Марлик является наиболее исследованным и богатым захоронением. Из этого некрополя происходит внушительное количество изделий из драгоценных металлов (преимущественно, золотых, в меньшей степени — серебряных). Бронзовые ювелирные предметы, в основном, получены из могильников Амлаша, Хурвина, Хасанлу, Дайламана и Калардашта.

Можно сделать следующие наблюдения относительно технических особенностей и декоративных мотивов рассмотренных произведений. Наиболее сложные и представительные предметы относятся к марликскому кладу. Основным материалом здесь выступало листовое золото. Бронзовые украшения некрополей Амлаша, Хурвина, Хасанлу, Дайламана и Калардашта, в основном, повторяли формы изделий Марлика, но в более упрощенном варианте. Формы некоторых ювелирных предметов являются схожими, хотя они происходят из разных некрополей. Так, серьги в виде виноградной лозы были найдены в Марлике, Хурвине и Хасанлу. В украшениях обнаруживается тяга к следующим формам: конус, полусфера, колесо «со спицами», подкова, «лодочка», спираль. К основным изобразительным мотивам относятся зигзагообразные линии, спиралевидные и растительные узоры. Для большинства объектов применялись техники тиснения, чеканки, зернения, скрученная проволока, напаянные металлические нити, гравировка, а также филигрань. В рамках одного предмета сочеталось сразу несколько техник. Для создания объемных фигуративных наверший или подвесок использовался прием заполнения ювелирной формы смолой. Украшения отличаются довольно крупными размерами, прослеживается тенденция сочетания металла с полудрагоценными камнями (лазуритом, сердоликом и агатом). Наиболее интересными в художественном отношении являются золотые ожерелья, в составе которых чередовались бусины разных форм с пронизями, что в ансамбле создавало ритмический эффект. На поверхность медальонов нередко наносились чеканные узоры, в результате чего фактура предмета становилась бугорчатой, за счет рельефного орнамента проявлялась игра света и тени. В целом типы украшений во всех

археологических пунктах Гилана похожи. Однако диадемы, а также декоративные листья встречаются лишь в Марлике. Назначение ряда изделий до сих пор остается неизвестным.

Повторение похожих мотивов в форме изделий и способов их декорации позволяет говорить о марликских ювелирных предметах (и частично гиланского конгломерата украшений) как об ансамбле. Полученные результаты исследований с большей или меньшей точностью помогают выделить ряд локальных художественных особенностей. С местной изобразительной традицией Гилана можно связать следующие изделия: медальоны со сложной растительной композицией, основу которых составляют три крупных стебля; кулон в виде перевернутой короны с зубцами, чей каркас образован мельчайшими спаянными шариками; пандан с изображением двухголового орла; золотой медальон с инкрустированным лазуритом; подвески в форме двойных шариков; кулон в виде двойной пирамидки с зернью; грушевидные подвески с точечным узором.

Таким образом, местные мастера знали сложные технологии ювелирного дела и были знакомы с традиционными изобразительными мотивами, характерными для искусства Древнего Востока. В то же время они создавали произведения, чьи образы не имееют аналогов за пределами Гилана.

Примечания:

1. *Maxwell-Hyslop K.R.* Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C. —London: Methuen & Co. Ltd., 1971. — P. 185.

2. *Negahban E.* Marlik: The Complete Excavation Report. Vol. 1. — Philadelphia: The University Museum of the University of Pennsylvania, 1996. — P. 141.

3. *Samadi H.* L'Etat de la civilisation chez l'homme pre-medique, et les decouverte fortuites: Darousse, Makou, Pochté-Kouh, Ziwyié, Masdj-dé-soléiman Mazanderan et Guilan / 2-nd ed. — Tehran: Toussi, 1969. — P. 54.

4. *Антонова Е.В.* Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров // РА. — 1994. — № 3. — С. 92.

5. Разделение захоронений по гендерному признаку в данном случае дается условно, так как по человеческим скелетам, дошедшим в крайне руинированном состоянии, невозможно установить пол. Погребения с большим количеством украшений с растительным декором археологи определяли как женские, тогда как могилы, где преобладал воинский и охотничий инвентарь, как мужские.

6. *Ghirshman R.M.* Perse. Proto-iraniens, Medes, Achémenides. — Paris: Gallimard, 1963. — P. 26.

7. *Culican W.* Spiral-End Beads in Western Asia // Iraq. — 1964. — Vol. 26. — № 1. — P. 40.

8. Данный термин здесь и далее стоит в кавычках, поскольку мы можем лишь предполагать функциональность предмета, обозначенного как «пуговица». Такие изделия могли также быть бляшками или другими нашивными украшениями.

Библиография:

1. *Антонова Е.В.* Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров // РА. — 1994. — № 3. — С. 92–95.

2. *Culican W.* Spiral-End Beads in Western Asia // Iraq. — 1964. — Vol. 26. — №. 1. — P. 36–43.

3. *Ghirshman R.M.* Perse. Proto-iraniens, Medes, Achémenides. — Paris: Gallimard, 1963. — 441 p.

4. *Maxwell-Hyslop K.R.* Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C. — London: Methuen & Co. Ltd., 1971. — 286 p.

5. *Negahban E.* Marlik: The Complete Excavation Report. Vol. 1. — Philadelphia: The University Museum of the University of Pennsylvania, 1996. — 408 p.

6. *Samadi H.* L'Etat de la civilisation chez l'homme pre-medique, et les decouverte fortuites: Darousse, Makou, Pochté-Kouh, Ziwyié, Masdjdé-soléiman Mazanderan et Guilan / 2-nd ed. — Tehran: Toussi, 1969. — 103 p.